

На правах рукописи

КРАСНОПЁРОВА Ирина Анатольевна

**Когнитивно-лингвистический анализ
устойчивых нарративных структур**

Специальность 10.02.19-теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2004

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Михаил Львович Макаров

Официальные оппоненты доктор филологических наук, профессор
Лев Геннадьевич Васильев

кандидат филологических наук, профессор
Вячеслав Николаевич Оношко

Ведущая организация Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Самарский государственный университет»

Защита состоится 17 мая 2004 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212. 275. 06 при Удмуртском государственном университете по адресу: Россия, 426034, г.Ижевск, ул. Университетская 1, корп. 2, аудитория 310.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Удмуртского государственного университета.

Автореферат разослан «___»_____2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к. филол. н., доцент

Н.И. Чиркова

Диссертационная работа посвящена структурно-когнитивному и - в меньшей мере - лингвокультурологическому и психолингвистическому анализу дискурсов, так или иначе закрепившихся в определённой культуре, то есть имеющих высокий уровень запоминаемости и узнаваемости со стороны носителей данной культуры. Дискурс при этом понимается широко - как комплексный семиотический объект (что позволяет относить к этой категории не только устные и письменные тексты повествовательного характера, но и фильмы, пьесы, комиксы и другие явления «синтетического» жанра).

В последние годы текст и дискурс стали объектом разноаспектного лингвистического изучения. Дискурс/текст есть первичная данность всего гуманитарно-философского мышления, и является той непосредственной деятельностью, из которой только и могут исходить эти дисциплины. Эта мысль стала программой для особой области языкознания - лингвистики текста и теории дискурса. Одна из задач, поставленных этим направлением исследования, - изучение сущностных функциональных характеристик дискурса и его структур.

Существует множество подходов к определению текста как лингвистического явления - от предельно конкретного, согласно которому текст представляет собой связную совокупность высказываний, до достаточно абстрактного, сторонники которого трактуют текст как любое связное знаковое пространство, включающее явления различной природы, объединенные замыслом автора. Согласно такому пониманию ландшафт, городская архитектура или музыкальное произведение рассматриваются как тексты наряду с традиционным пониманием текста в языкознании. Так, например, В.В.Налимов рассматривает язык как код и разделяет языки, к которым ученый относит языки живописи, музыки, биологии, на «жесткие» (с жесткой связью между обозначаемым и обозначающим) и «мягкие» (в которых заранее закладывается «множественность интерпретаций»). Как всякий связный знаковый комплекс определяет текст М.М. Бахтин. С этим определением перекликается трактовка Ю.М. Лотманом текста как системы знаков, в которую автор вкладывает особый смысл. Для Р. Барта интерес представляют такие знаковые системы (литература, кино, мода), которые основаны на других знаковых системах.

Снять расплывчатость центрального понятия «текст» в этих рассуждениях позволяет обращение к категории *дискурса*, подчёркивающей социокультурную, когнитивно-функциональную и контекстуальную обусловленность речевых произведений в процессе человеческой коммуникации.

Достоинство семиотического понимания дискурса состоит в том, что он трактуется как явление культуры. Это значит, что, с одной стороны, каждый дискурс является в определенной степени воплощением культурной традиции, которой он принадлежит, а с другой стороны, подразумевает, что для понимания конкретного текста и определения его места в культурном пространстве важно установить его интертекстуальные связи.

Поскольку язык является хранилищем коллективного культурного опыта определённого человеческого сообщества, мы предполагаем, что этот опыт выражается не только в зафиксированных значениях слов и устойчивых выражений, в ценностных ассоциациях и воспроизводимых в речевой действительности нормах поведения, но и в прецедентных текстах, рекуррентных когнитивных структурах, схемах интерпретации, определяющих принадлежность людей к данной культуре. Особую роль в передаче «коллективного» или «культурного бессознательного» от поколения к поколению играют нарративные дискурсы, в силу их уникального статуса в процессе языкового общения людей - как в онтогенезе, так и в филогенезе. Соответственно, *объектом* анализа в диссертационном исследовании являются нарративы различной тематики и жанровой принадлежности, а *предмет* исследования составляют рекуррентные устойчивые когнитивные структуры нарративных дискурсов, обеспечивающие их запоминаемость и узнаваемость.

Актуальность данного исследования обусловлена следующим:

1. Когнитивная лингвистика и теория дискурса - это активно развивающиеся отрасли языковедения, вместе с тем многие фундаментальные вопросы этих областей знания остаются недостаточно исследованными. Мнемонические и перцептивные особенности нарративов разной природы не сопоставлялись и не увязывались напрямую со структурными особенностями их когнитивных схем.

2. Дискурсы и тексты культуры взаимозависимы, их многообразные интертекстуальные отношения требуют тщательного анализа не только на уровне содержательно-знаковом, но и на уровне функционального анализа повествовательных и когнитивных структур, - именно на этом уровне возможно выявить изоморфность различных текстов, например, традиционного фольклора и современной массовой культуры.

3. Интертекстуальные отношения устойчивых нарративных структур могут быть описаны с разных точек зрения, с помощью методологического аппарата целого ряда дисциплин: лингвистики текста и литературоведения,

когнитивной психологии и психолингвистики, лингвокультурологии и семиотики. В предпринимаемом исследовании эти подходы к анализу нарративного дискурса интегрируются.

Настоящее исследование исходит из *гипотезы* об изоморфности глубинных смысловых структур устойчивых нарративов (тех, что легче запоминаются и воспринимаются).

Выполненное исследование базируется на следующих теоретических положениях, доказанных в научной литературе:

1. Дискурс/текст является объектом лингвистического изучения и допускает многоаспектное рассмотрение: выделяются грамматический, стилистический, семантический, прагматический, когнитивный, коммуникативный подходы (О.И.Москальская, И.Р.Гальперин, М.Н.Кожина, ВЛБелянин, ОЛКаменская, ОЛХВоробьева, Л.НМурзин и А.С.Штерн, Ю.А.Левицкий, М.Л.Макаров, Р.Барт, М.Халлидей и др.).

2. Будучи языковым явлением, дискурс/текст характеризуется набором конститутивных признаков, структурой и системностью; набор текстовых категорий и структурных связей может быть относительно универсальным для всех типов текстов, но их наполнение в текстах разных типов различно (Э. Косериу, ЗЛ.Тураева, А.Н.Мороховский, О.П.Воробьева, В.И.Карасик и др.).

3. В качестве особого типа выделяется нарративный дискурс/текст, его основными характеристиками признаются многоуровневая смысловая организация, многоплановость изложения, сюжетность, представление его как способа осмысления мира и - одновременно - конструирования собственной версии реальности (В.Пропп, КЛеви-Стросс, К.Бремон, ПРикёр, Р.Барт, Ф.Джеймсон, Б.Хернстейн-Смит, К.Мэррей и др.).

Цель исследования состоит в построении модели, объясняющей когнитивно-лингвистическую обусловленность устойчивых нарративных структур.

Для достижения данной цели в работе решаются следующие *задачи*:

- морфологический анализ нарративных структур по В.Проппу и их описание с точки зрения современной теории мотива;
- сопоставление нарративных текстов разной жанровой принадлежности с точки зрения их мнемонических и структурных особенностей;
- когнитивно-лингвистический анализ текстовых структур в свете современных представлений о памяти и восприятии;

- экспериментальное моделирование текстов по схемам, соответствующим устойчивым нарративам.

Материалом исследования послужили, с одной стороны, традиционные фольклорные нарративы (в частности, сказки), с другой стороны, - современные тексты массовой культуры, например, комиксы, сценарии художественных фильмов (всего более 600 текстов), а также данные, полученные в ходе психолингвистического эксперимента с участием 74 информантов.

Исследование было проведено при помощи следующих *методов*:

- метода структурного анализа нарративных текстов, разработанный В.Проппом;
- метода анализа мотивики нарративных фольклорных текстов;
- гипотетико-дедуктивного метода;
- метода семантической интерпретации;
- сопоставительного и трансформационного методов;
- метода деконструкции;
- метода когнитивно-лингвистического моделирования;
- методов психолингвистического эксперимента.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

- в работе дано сравнительное описание структурных особенностей нарративных дискурсов разной жанровой принадлежности с точки зрения теории ВЛроппа, теории мотива и когнитивной лингвистики;
- выявлена изоморфность глубинных смысловых структур устойчивых нарративных текстов разной жанровой природы, обусловленная их архетипической конфигурацией;
- в рамках психолингвистического эксперимента подтверждена гипотеза о корреляции между структурной организацией текста и его мнемоническими и перцептивными характеристиками, проанализированы семантические трансформации, которым подвергается текст при пересказе;
- применен комплексный подход к анализу данных, полученных в ходе наблюдения и экспериментов.

Теоретическая значимость диссертации состоит в выявлении изоморфности глубинных смысловых структур устойчивых нарративных текстов разной жанровой природы и корреляций между типами этих структур и мнемоническими свойствами данных текстов, что существенно дополняет наши познания о взаимоотношении языка и мышления, в частности, памяти, проливая

свет на некоторые особенности производства, восприятия и воспроизводства текстов,

Практическая значимость диссертации состоит в следующем:

- материал исследования может быть использован при чтении лекций и проведении семинарских занятий по общим и специальным курсам теории языка, теории фольклора, психолингвистики, лингвистики текста, культурологии, теории дискурса и семиотике в высших учебных заведениях;
- материал исследования может быть использован для оптимизации дискурсивного конструирования текстов с заданными мнемоническими характеристиками в различных сферах речевой коммуникации (педагогический дискурс, коммерческая и политическая реклама, пропаганда и т.п.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. В различных лингвокультурах выделяются нарративные дискурсивные структуры, характеризующиеся высокой когнитивной устойчивостью, в частности, они достаточно легко воспринимаются (уровень понимания), запоминаются и воспроизводятся (мнемонический уровень), а также (реконструируются (уровень речепроизводства).
2. Нарративные дискурсивные структуры, отмеченные высокой когнитивной устойчивостью, могут быть выявлены в текстах различной жанровой природы (от традиционного фольклора до текстов современной массовой коммуникации). Устойчивые нарративные структуры различных жанров речевой коммуникации характеризуются отношением изоморфизма. Данный изоморфизм проявляется в подобии ядерных дискурсивных макроструктур на эмическом уровне, причём макроструктура нарратива с равным успехом может быть описана в терминах функций, по ВЛЛроппу, в терминах мотивов и алломотивов и т.п.
3. В феноменологическом поле компетентной языковой личности существует представление о «правильной» нарративной ядерной структуре дискурса, который в своем линейном развитии повторяет этапы формирования целостного высказывания, разворачивание замысла в текст. Когнитивно устойчивым нарративным структурам свойственна высокая норма текстовости. Владение данными

структурами формирует основу дискурсивной способности языковой личности как важнейшей составляющей его коммуникативной компетенции.

4. В памяти устойчивые нарративные структуры хранятся в виде сценарного фрейма высокой степени абстракции, точнее, в виде прототипической реляционной модели, различная интенсивность связей в которой позволяет реконструировать полный сценарий при параллельной обработке разных уровней дискурса посредством активации отдельных элементов «сюжета». Учитывая раннее формирование данных структур в онтогенезе и филогенезе, их высокий суггестивный потенциал, их можно квалифицировать как важные элементы *коллективного* или *культурного бессознательного*, уходящего своими корнями в *архетипы* данной лингвокультуры, особенно если понимать под архетипами алгоритм познания и способ связи определённых образов в «интуитивном» освоении мира.

Апробация теоретических положений и полученных результатов практического исследования осуществлялась на Четвёртой международной научно-практической конференции «Перевод и межкультурная коммуникация» (Екатеринбург, Институт Международных связей, 30 сентября 2002 г.), Межрегиональной научно-практической конференции «Психология и общественные науки: проблема интеграции знаний» (Екатеринбург, Московский госпедуниверситет им. М.А.Шолохова, филиал в г. Екатеринбурге, 24-25 января 2003 г.), на заседаниях кафедры теории языка и перевода УдГУ.

Структура работы обусловлена целями и задачами, а также материалом исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и двух приложений.

Основное содержание работы.

В *первой главе* рассматриваются теоретические основания анализа структуры устного дискурса и языковой личности.

Развитие антропоцентрической лингвистики совпало с тем, что называют дискурсивным переворотом в гуманитарных науках. Обращение к дискурсу как предмету изучения в отечественной науке легло на почву богатой традиции, заложенной еще фундаментальными трудами И.А. Бодуэна де Куртене и продолженной в исследованиях ученых первой половины 20-го века (Бахтин;

Волошинов; Виноградов; Винокур; Выготский; Поливанов; Щерба; Якубинский и др.)-

В диссертации широко используются термины, значения которых принадлежат к одному семантическому полю с понятием *дискурс: текст, дискурсивная (текстовая) деятельность, дискурсивное поведение, дискурсивное мышление*. Термины *дискурс* и *текст* соотносятся как родовое и видовое понятия: говоря о тексте, акцент делается на внутреннем строении речевого произведения. Под *дискурсивной деятельностью* понимается разновидность речевой деятельности, направленной на осознанное и целенаправленное порождение целостных речевых произведения. Более широкое понятие *дискурсивное поведение* включает в себя, кроме осознанных и целенаправленных, речевые поступки непреднамеренные и не вполне контролируемые. Наконец, под *дискурсивным мышлением* мы будем понимать особый вид вербального мышления, обслуживающего процессы порождения и смыслового восприятия дискурсов.

Исследование дискурсивного мышления своим объектом имеет процессы порождения, понимания и функционирования текстов. В качестве же основного предмета изучения здесь выступает структура дискурса, своеобразие которой несет в себе выражение психологического и социокультурного облика языковой личности (как индивидуальной, так и коллективной).

В современной психофизиологии система связей между языковыми элементами разных уровней, которая образуется в сознании человека в ходе его речевой биографии и влияет на процесс воплощения мысли в слове, получила название «вербальной сети», соотносимой с жанрово-стилевыми и статусно-ролевыми стереотипами, сценариями речевого поведения и текстовыми структурами, существующими в нашем сознании в виде фреймов.

Языковое сознание говорящего индивидуума отражает накопленные в течение всей жизни человека социально-психологические впечатления и то «культурное» или «коллективное бессознательное», которое является неотъемлемой частью дискурсивных практик любого человеческого сообщества. Именно эта составляющая когнитивного «встраивается» в мышление (сознание и подсознание) индивида в детстве, в период «самонаучения» языку и непосредственно за ним, когда огромное значение в формировании личности и основ её «наивного мировоззрения» имеют сказки, игры, восходящие к древним обрядам, мифам и ритуалам.

Первым в отечественной лингвистике проблему языковой личности и дискурсивной деятельности поставил Г.И.Богин, заслуга которого состоит в

построении типологии уровней языковой личности по степени развития у неё дискурсивного мышления, соответствующей различной мере готовности говорящего к совершению речевых поступков.

Фундаментальными категориями текста выступают связность и целостность. Представление о целостности отражает наличие у речевого произведения единой семантической программы, единого замысла. Грамматический аспект изучения предполагает рассмотрение дискурса вне его когнитивно-культурологических функций, т.е. как текст. На первый план здесь выступает поверхностная структура речевого произведения. К настоящему времени лингвистика текста накопила значительный багаж работ, рассматривающих проблему внутритекстовой связности (когезии). Говоря о текстовой когезии, нельзя оставить без внимания вопрос об особом средстве реализации связности — о метатекстовых элементах дискурса. Метатекст в речевом произведении, как правило, несет в себе то, что в науке носит название субъективной модальности, т.е. авторского отношения к предмету речи.

С понятием текстовой когезии непосредственно связано представление о завершенности речевого произведения, предопределяемое его композиционным строением. Композиция дискурса прежде всего строится путем обозначения в речи границ текста, текстовой рамки. Анализ внутреннего строения целого дискурса предполагает выявление своеобразия структурных связей внутри макротекста. При этом каждое сверхфразовое единство рассматривается как отдельное высказывание, подобное предложению в текстовом блоке. Здесь существенную роль играют формы проявления текстового обобщения и субъективной модальности.

Прагмалингвистическое исследование дискурса должно быть ориентировано, с одной стороны, на выявление особенностей авторского присутствия, т.е. субъективного эмоционального оценивающего отношения говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания. Другой не менее значимой характеристикой строения дискурса выступает фактор развернутости на слушателя, фактор адресованности дискурса, учет того, что Т.А. ван Дейк называл прагматическим контекстом, определяется стремлением говорящего к адекватному пониманию адресатом речевого произведения. При этом говорящий может только тогда успешно осуществить намеченный речевой акт, когда он уверен, что прагматический контекст удовлетворяет условиям этого речевого акта. Подчеркнем важную для нас мысль: понимание текста

предполагает наличие в нем потенциала перцепции, программы смыслового восприятия дискурса слушателем.

Все три компонента прагматической структуры текста - отражаемая в речи действительность, субъективно-авторское начало, потенциал восприятия - присутствуют в структуре дискурса во взаимосвязи. Характер взаимоотношений между названными компонентами дискурса зависит от принадлежности высказывания к тому или иному стилю и жанру речи. Важным показателем степени прагматизации дискурса становится уровень языковой компетенции говорящего (становления его языковой личности).

Прагмалингвистическое исследование дискурса не может игнорировать рассмотрение своеобразия выражения в тексте интенции говорящего (иллокутивного содержания текста). Объектом прагматического исследования в настоящей работе выступают главным образом однородные в жанровом отношении речевые произведения - устные спонтанные монологические рассказы. Все они призваны выполнить однотипные коммуникативные задания: вербально передать собеседнику содержание серии событий, известных говорящему, но неизвестных слушателю.

Анализ полученного нами речевого материала позволяет говорить о существовании в рамках дискурсивной деятельности различных коммуникативных стратегий, т.е. общих прагмалингвистических принципах реализации иллокутивного смысла. Мы выделяем вслед за К.Ф.Седовым две глобальные коммуникативные стратегии речевого поведения: репрезентативную, или изобразительную, и нарративную, или аналитическую.

Психолингвистическое исследование дискурсивного мышления своим предметом имеет процессы порождения и понимания текста, т.е. динамическую природу текстовой структуры. Проблемы формирования речевого высказывания и его смыслового восприятия составляют сердцевину теории речевой деятельности. В их разработке современная наука имеет достаточно прочный фундамент, заложенный работами отечественных психологов и, прежде всего, трудами ДСВygотского, его последователей, и существенно дополненный Н.И.Жинкиным и учеными его школы.

Если процесс порождения речевого высказывания в психолингвистике исследован достаточно детально, то принятой всеми учеными модели смыслового восприятия высказывания еще нет. Одно можно утверждать с достаточной долей уверенности: понимание речи происходит одновременно по многим каналам. Это не просто поэтапная дешифровка смысла, в которой представленная выше модель

порождения высказывания «работает» в обратной последовательности. Понимание речи - это не пассивное движение адресата от значения к замыслу и мотиву. Это сложный целостный психический процесс, в котором большую роль играют предвосхищение (антиципация) и установка на понимание (или непонимание).

Понимание реального дискурса своей целью имеет постижение интенции говорящего. Смысловое восприятие текста - это многогранный речемыслительный процесс, включающий сложные операции по свертыванию и развертыванию исходного замысла, по перекодированию чужой речи на код индивидуальных смыслов и т.д. Понимание целостного речевого произведения есть реконструкция смысла, перевод его на универсально-предметный код внутренней речи воспринимающего субъекта. При этом, как писал В. фон Гумбольдт, полного понимания между общающимися людьми достичь невозможно. Процесс смыслового восприятия дискурса предстает перед нами интерпретацией чужого текста, выявления в нем ядерных смыслов, т.е. создания на основе исходного дискурса своего собственного варианта, который по своей форме не тождественен тексту чужому. Порождение и понимание текста используют механизмы развертывания и свертывания. В динамике текста выделяются по крайней мере два уровня - глубинный (семантический) и поверхностный (лексико-грамматический).

Дискурсивное мышление характеризуют не только латентные процессы свертывания текста, его переработка и трансформация, но и его целостность. Цельность (целостность) - это психолингвистический феномен особого рода, который представляет собой возникающее в психике человека одновременное интегральное, полностью не совпадаемое динамическое представление о некотором объекте.

С понятием цельности соотносится представление о композиционной завершенности текста. В этой связи важную роль приобретает анализ текстовой «рамки», т.е. начала и концовки речевого произведения. И здесь уместно, на наш взгляд, использование критерия «нормы текстовости», т.е. степени композиционной стройности целостного дискурса. В сознании носителя языка есть представление о «правильном» композиционном устройстве сообщения. Такое представление соответствует ядерной структуре дискурса, которой следует считать такое построение, которое в своем линейном развитии повторяет этапы формирования целостного высказывания, разворачивание замысла в текст.

Подобное соответствие поверхностной структуры дискурса его динамическому строению мы вслед за К.Ф.Седовым будем называть *нормой текстовости*.

Данные нейролингвистики позволяют высказать гипотезу о том, что первичная стадия мотивации и формирования замысла (в образном коде УПК) осуществляется в правом полушарии. Именно там появляется общее представление о будущем высказывании, когда говорящий знает, о чем он будет говорить, но не знает, как. Затем в левом полушарии происходит перекодирование содержания сообщения во внутренней речи. Именно здесь под руководством речевых зон левого полушария происходит выбор синтаксических схем и предикатов.

В социолингвистическом и культурно-этнографическом исследовании устно-речевого дискурсивного поведения уместно оперировать понятием *повседневное общение*. Это огромное пространство в континууме коммуникации, отражающее бытовое неофициальное • взаимодействие носителей языка, М.М.Бахтин называл областью жизненной (или житейской) идеологии. Ученый подчеркивал, что в этой сфере жанровое завершение отвечает случайным и неповторимым особенностям жизненных ситуаций. Всюду житейский жанр укладывается в отведенное ему русло социального общения, являясь идеологическим отражением его типа, структуры, цели и социального состава.

Дискурс/текст является объектом лингвистического изучения и допускает многоаспектное рассмотрение: выделяются грамматический, семантический, прагматический, когнитивный или психолингвистический, социокультурный подходы. Будучи языковым явлением, дискурс/текст характеризуется набором конститутивных признаков, структурой и системностью; набор текстовых категорий и структурных связей может быть относительно универсальным для всех типов текстов, но их наполнение в текстах разных типов различно.

Во второй главе в русле подходов современной теории дискурса органично интегрированы идеи русских формалистов, европейского структурализма и семиотики, антропологии, литературоведения, когнитивной лингвистики, теории коммуникации и социологии.

В изучении свойств устойчивых дискурсивных практик мы в первую очередь обратимся к фольклору как языковому материалу, прошедшему «естественный отбор» временем и «верифицированному» на исключительно большой группе «информантов». Лингвисту, этнографу, фольклористу, имеющему дело с текстовыми свидетельствами даже современной ему культуры, всегда приходится учитывать то обстоятельство, что его информанты - «люди,

ориентированные на другой дискурсивный опыт». История культуры, как и история текста - это предмет конструирования, отправная точка которого не линия времени, а современность, что и предопределяет рассмотрение с учётом настоящего и будущего. Бели язык традиции полагается языком повседневности, то ясно, что этот язык является общим и вместе с тем ничейным, неразличимым в его субъективной «монологической», и объективной, «диалогической», индивидуации. Фольклористика, как и любая другая научная дисциплина, имеет дело с фактами, не только индуцируемыми из реальности, но и дедуцируемыми в эту реальность.

Поиск «общего» смысла заключается в соотнесении постулируемого исследователем факта с социокультурным контекстом его интерпретационной модели. Критерий подобного соотнесения - текст, который может быть прочитан самим исследователем и, предположительно, понят в этом прочтении другим. Полагая фольклором традиционное наследие какой-либо общности людей, перед исследователем встаёт проблема репрезентативности или - *прецедентности* - выражающих это наследие текстов. Как известно, прецедентными называются тексты, которые могут быть охарактеризованы как семиотически и психологически значимые для той или иной группы лиц в пределах определённого хронотопа, социокультурного контекста, причём эти тексты постоянно воспроизводятся, а их знание предполагается как само собой разумеющееся.

Семиотическая специфика текста, выражающего ролевые *схемы* той или иной культуры, в широком смысле релевантна идеологической модальности общества — идеалам, нормам и обычаям, манифестирующим собой характер социального взаимодействия в рамках определённой социальной группы. «Классы ролей» и «классы текстов» сопоставимы по функциональной изоморфности. Стереотипы массовой и популярной культуры формируют предпочтения, «фолыслоризуемые» в риторических и сюжетных схемах повседневного дискурса. Не последнюю роль в этом играют технические инновации современной цивилизации — особенно в развитии принципиально новых и очень мощных средств и каналов общения. Меняется само содержание понятия «фольклор». В данной работе не случайно выбран термин «устойчивые нарративные структуры», снимающий остроту категоризации *фольклорности* дискурса в традиционном филологическом понимании. По мы склонны считать, что литературное произведение, киноцитата, газетное сообщение не исключают фольклористического анализа, если они удовлетворяют определённому числу «фольклорных» критериев (характеру бытования, степени устного варьирования,

связи с мифологическими «архетипами» и т.д.), современные исследователи указывают на фольклорное значение таких объектов социальной коммуникации как, например, телевидение и Интернет. Изучение характера распространения и потребления текстов СМИ обнаруживает радикальное родство телевизионной и фольклорной культуры. Более того, именно пример телевидения, как считает исследователь семиотики СМИ Дж.Фиски, наилучшим образом соответствует условиям тех теорий, которые сформировались в качестве фольклористических. Хорошей иллюстрацией фольклорной эффективности телевидения могут служить не только популярные телесериалы или викторины, но даже реклама и новости (функционирование которых, интересно заметить, так же исключает «окончательный» текст, как его исключает традиционный фольклор). Анализ комплексных - мультимедийных - текстов телевидения, «жёлтой» прессы, комиксов, поп-музыки, рекламы показывает, какую большую роль в формировании фольклорного дискурса повседневности играют латентные архетипы. Чтобы глубже понять эти механизмы, обратимся к классическому структурному исследованию фольклорных сказок по Проппу.

Построение инварианта сказочного текста Пропп начал со структурного переосмысления понятия *функции*. Функция, по В.Я.Проппу, - это поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для развития сюжета нарратива. Так, Баба-Яга, дающая золотое веретенце невесте Финиста-Ясна Сокола, фея, наряжающая Золушку на бал, мертвец, который дарит Ивану меч, выполняют одну и ту же функцию Дарителя. Фиксированным В.Я.Пропп определяет набор ролей, т.е. действующих лиц, обладающих своим репертуаром действий (т.е. имеющих одну или несколько функций).

Вывод, к которому пришел В.Я.Пропп в отношении структуры сказочного нарратива, звучит достаточно сурово: волшебной сказкой, по сути, называется произведение, в котором действуют семь или менее указанных героев, а сюжет содержит в себе тридцать одну функцию (с возможными пропусками и небольшими вариациями) в описанной выше последовательности.

Можно (с известной долей условности) говорить, что существует лишь одна «типовая сказка» или, точнее, *пракказка*. Это наводит на мысль, что в основе фольклорных текстов лежит структура, которая не только легко воспринимается, запоминается, но и воспроизводится.

Структурный подход, выйдя из лингвистики, требует различать в любом культурном феномене два уровня: явный, или «поверхностный», данный в непосредственном наблюдении, и неявный, или «глубинный», т.е. собственно

структурный. К Леви-Строссу в своём исследовании текста, посвященном ревизии идей В.Я. Проппа, сознательно идёт на разрыв между синтагматической и парадигматической осями мифологической истории. В модели Леви-Стросса поверхностный уровень скрывает и искажает инвариантные отношения между мифемами; играя мистифицирующую роль, он должен быть снят с мифа, чтобы обнаружилась его «ахронная матричная структура», однако эта структура, образуя семиологическую подоснову мифа, не ведёт к его постижению как смысловой целостности.

Несмотря на относительно невысокую степень формализации при анализе волшебной сказки, Пропп, а позже и Леви-Стросс, столкнулись с невозможностью исчерпывающим образом связать явный и неявный уровни повествовательного текста. К тому же, в сказках, разобранных по «функциям» и «действующим лицам», значительный семантический материал («связки», «мотивировки», «атрибуты») остался без должной интерпретации. Пропповскую «морфологию сказки» с леви-строссовской идеей абстрактной структурной матрицы в своей модели нарратива попытался соединить А.-Ж. Греймас, задав многоуровневую структуру текста. Эта модель не только фиксирует наличие статических отношений между элементами одного уровня, но и представляет механизм поэтапной конкретизации глубинных категорий и их интеграции в уровни верхнего порядка, по сути демонстрируя путь нарратива от инвариантной «фундаментальной грамматики», концептуально упорядочивающей мысль посредством «семиотического квадрата», к эмпирическому повествовательному тексту.

Хотя Греймас считал, что его модель применима к любому повествовательному тексту, на данном этапе наших рассуждений можно предположить, что фольклорные тексты (сказки, мифы и т.п.) являют собой образцы первичных социализирующих текстов какой-то культуры, прошедших естественный отбор как в онтогенезе, так и филогенезе. В процессе эволюции человечества и его коммуникативной практики при постоянной изустной передаче «выживали» те нарративные структуры, которые легче воспринимались, запоминались и воспроизводились. Однако, было бы ошибкой исключить возможность того, что наряду с глубинными содержательными структурами сама лингвистическая «ткань» повествовательных текстов и их суггестивный потенциал играют важную роль с точки зрения облегчения их восприятия и воспроизводимости. Именно сюжетный уровень в его модели представлен хуже всего, затерявшись между уровнями «антропоморфных действий» и «предметной

манifestации». На изучение сюжетных схем в фольклоре и литературоведение, сложившихся в теорию мотива, мы и остановимся ниже.

С литературоведческой точки зрения идеи «Морфологии сказки» служат основанием дихотомической концепции мотива - и это несмотря на отказ ВЛ.Проппа от самой категории мотива. Понятие функции действующего лица, в сочетании с дихотомическими идеями структурной лингвистики, позволило фольклористам и литературоведам прийти к строгим представлениям о функционально-семантическом инварианте мотива и его фабульных вариантах. Функция действующего лица представляет собой обобщенное значение мотива, взятого в отвлечении от множества его фабульных выражений. В семиологических терминах функция - это генеральная «сема» или совокупность генеральных сем, занимающих центральное и инвариантное положение в структуре значения мотива.

Основные принципы дихотомической теории мотива сформулировал американский фольклорист А.Дандес, указывающий на две теоретические системы, послужившие для него опорой: на морфологическую схему В.Я.Проппа и теоретический аппарат американского лингвиста К.Л.Пайка, переосмыслившего подходы дескриптивной лингвистики и явившегося одним из основоположников этнографии речи, от которого были заимствована система параллельного описания единиц языка в двух различных конститутивных рядах и двумя принципиально различными способами: внутренним и внешним, *этическим* и *эмическим*. В отечественной фольклористике дихотомическую теорию мотива развивает ряд авторов (Н.Г.Черняева, Б.Н.Путилов, Н.Д.Тамарченко, Ю.В.Шатин, Э.А.Бальбуров, В.И.Тюпа и др.). Так или иначе, данная теория подкрепляет идею устойчивой нарративной структуры, но уже в иной плоскости - литературной.

Кроме того, универсальность и кросс-культурное единство сказочных образов и повествовательных структур могут быть объяснены с помощью эвристического потенциала категории *архетипа*. Если под архетипами понимать *способ связи* определённых образов, алгоритм познания, модель поведения, переходящие из поколения в поколение, а также формы функционирования «интуиции», то и в терминах аналитической психологии реляционная структура сказки выглядит вполне обоснованной. Целью архетипов является привнесение в сознание подсознательного материала и его трансформация, что Юнг назвал *индивидуацией*.

Примеры архетипов явственно напоминают пропповские сказочные функции. Существует архетип мужчины и архетип женщины, архетип отца и

архетип матери, архетип брата и архетип сестры, архетип героя и архетип взрослого - образы, выражающие универсальные, первичные типы, из которых состоит человеческая личность.

В дополнение, можно указать на очевидную распространённость нарративных структур, описанных Проппом, в различных сферах современного фольклора и культуры в целом: массовая литература беззастенчиво тиражирует их в жанре бестселлера; Голливуд «клонировает» сценарии по Проппу; средства массовой коммуникации, мастера рекламы и PR всюду используют суггестивный потенциал этих структур в политических и маркетинговых кампаниях; психоаналитики и психотерапевты широко пользуются такими текстами; большое будущее имеет применение данных структур в дидактике и педагогике.

Все выше сказанное убеждает в существовании неких глубинных или инвариантных структурных схем волшебных (и не только!) сказок, позволяющих эти тексты легко идентифицировать, строить и восстанавливать. Переводя всё это на язык когнитивной науки, мы фактически постулируем особые отношения человеческой психики и данного типа текстов, хотя бы по тому, что они легче воспринимаются, запоминаются и воспроизводятся.

С точки зрения нарратологии в когнитивной науке большей эвристической ценностью обладает *сценарий* или *сценарный фрейм*, - схема, в которой представлена стандартная последовательность событий, обусловленная рекуррентной ситуацией. Для сценариев характерны ситуативная привязанность и конвенциональность, они организуют и интерпретируют поведение людей. Далеко не всегда они обусловлены непосредственной целесообразностью: нередко описывают последовательности сцен, событий или действий, имеющие полностью или частично ритуализованную природу, например, светские, религиозные и военные церемонии.

Как фрейм, так и сценарий рассматриваются *в терминах памяти*. Это не только информационные структуры, сообщающие о результатах, конечных состояниях, по которым и запоминаются, но и механизмы, объясняющие достижение понимания с использованием накопленного ранее знания, а предварительное знание и есть тот тип информации, который хранится в памяти. В своих рассуждениях мы опираемся на работы РЩенка, пришедшего к выводу, что в готовом виде сценарии в памяти вообще не хранятся. Применение сценария к анализу дискурса - это *реконструкция*. Сценарии строятся по мере того, как в этом возникает необходимость, в процессе восприятия речи, чтобы осуществить интерпретацию дискурса, используя накопленный ранее опыт — информацию,

размещённую на разных уровнях памяти. Точно так же или почти точно так же мы строим и сценарий сказки, пользуясь хранящимися в памяти элементами и отношениями, связывающими их. Примат идеи стратегической реконструкции когнитивной модели дискурса отличает также работы Т.А.ван Дейка и В.Кинча.

С середины 80-х гг. в когнитивной психологии всё большую популярность приобретает модель *параллельно распределённой обработки* (PDP: *parallel distributed processing*), в которой главное внимание уделяется микроуровню когнитивной активности, осуществляемой одновременно в разных плоскостях, из которых пропозициональная - одна из высших. Связи между узлами выступают как функторы, разрешающие, ослабляющие или усиливающие ассоциации, сам тип и сила которых зависят от интенсивности связей. Именно интенсивность связей хранится в памяти, что позволяет реконструировать какую-то структуру знания посредством активации лишь некоторых её элементов, возбуждающей реверберацию связей и полную активацию.

При анализе структуры нарративных текстов данное качество теории параллельной обработки следует принципиально выделить, так как здесь и кроется ключ к разгадке когнитивной устойчивости сказочных текстов: пропповские функции хранятся в памяти как *реляционная структура*, интенсивность связей в которой позволяет *реконструировать* «схему» сказки посредством активации её отдельных элементов.

Таким образом, когнитивная психология со своей стороны также позволяет нам сделать вывод о наибольшей релевантности для интерпретации процессов восприятия, запоминания и воспроизведения нарративного текста именно его реляционной содержательно-смысловой модели.

Для верификации высказанной выше гипотезы в работе был показан фрагмент сравнительного структурного анализа фольклорных текстов (русских народных сказок) и текста сценария фильма «Звёздные войны», ставшего классикой современного массового кино, заключавшегося в попытке выделить функции в сценарии современного фильма и ответить на вопрос, строится ли он по тем же канонам, что и волшебная сказка. Очевидно, что подобный анализ можно продемонстрировать на материале других нарративов, в том числе текстов массовой культуры, таких, как бестселлеры и художественные фильмы. Нарративы данного типа тесно связаны друг с другом уже тем, что многие из этих семиотических феноменов существуют в культуре параллельно: в качестве литературного текста (книги), в качестве художественного фильма, а порой и в качестве комиксов (*Бэтман* - фильм и комиксы; *Звёздные войны* - две

экранизации, комиксы и книга). Жанры охватывают, главным образом, приключение и боевик (*adventure* и *action*), часто с элементами детектива, а также фантастику.

Не менее интересны выводы, которые мы получили при структурном анализе такого типа текстов массовой культуры как политический дискурс. Нами были рассмотрены публицистические тексты, посвященные российским выборам 1999-2000гг.(далеко не все из них можно охарактеризовать как нарративы). Любопытно, как «перекодируются» в этих текстах прошювские сказочные функции или мотивы. Кажущаяся на первый взгляд «натянутой» аналогия получает ощутимые текстовые подтверждения, когда со всей очевидностью в политическом дискурсе выступают «герои» и «злодеи», когда пропагандируемое политическое решение получает статус «волшебного средства», способного принести «победу» в «борьбе», завершающейся «свадьбой» политика со своим электоратом (народная любовь и признание широких масс - это ли не вождельный стереотип публичного, в том числе и политического успеха?).

Сюжет в политическом дискурсе завуалирован, он лишь латентно присутствует в публицистических текстах, со всей очевидностью выходя на поверхность структуры, например, в предвыборных биографических очерках, но каждая аналитическая или пропагандистская статья опирается на сюжетные структуры (часто более одной - в бой идут конкурирующие версии социальной действительности). Есть в них «запреты» и «нарушения», «пособничество» и «вредительство», «посредничество» и «противодействие», «дарители», «борьба» и непременно - «клеймение», «преследование» и «спасение» через «решение» «трудной задачи». Порой к ним добавляются «обличение», «трансфигурация» героя и «наказание» его антагонистов.

Показательно, что опора на базовые архетипы, характерные для сказок, нередко приводит к тому, что публицистические тексты становятся по сути интертекстом, опирающимся на прецедентные фольклорные тексты (см., например, Михайлов К. Путин красное солнышко//Век.-24.12.1999; Романова О. Винни Пух и все-все-все//Ведомости.-21.01.2000; Рябов И. Золушка возвращается// Новое время.-26.12.1999;).

Для верификации высказанной выше гипотезы были проанализированы результаты двух психолингвистических экспериментов, связанных с созданием нарративов, их мнемоническими характеристиками и семантическими трансформациями при пересказе.

Первый эксперимент имел целью выявление преимущественной опоры на известные нарративные структуры при *создании нового оригинального текста* информантом. В качестве установки был задан примерный объём повествовательного сочинения и его жанровая и отчасти тематическая принадлежность - «Рождественская история». Результаты эксперимента, часть которых представлена в приложении, показали, что основные проповские функции нашли своё воплощение во вновь созданных текстах, хотя и не в той форме, в какой они присущи волшебным сказкам (чего и следовало ожидать). Во всех встречаются «вредительство» и/или «недостача», «волшебное средство» (его Величество случай), скрытое или открытое противодействие героя и его антагониста, которым могут выступать какие-либо житейские трудности, злые превратности судьбы и *т.п.*, «победа» или «свадьба», очень часто - «клеймение» и «решение» «трудной задачи» и т.д. Прослеживается очевидная стереотипность внутренней формы созданных рассказов, изоморфизм их мотивики.

Второй эксперимент повторял по своей методике эксперимент Ф.Бартлета с той лишь разницей, что информантам были даны три характерных типа текста: *нарратив* (построенное по схеме проповских функций сокращённое изложение фильма-бестселлера *Patriot*), аналогичный по объёму фрагмент текста «*потока сознания*» (хрестоматийным примером послужил текст Франсуазы Саган), а также *юридический текст* (фрагмент Конституции Российской Федерации). Все три типа текстов не требуют особого профессионального обучения для их восприятия и понимания, по крайней мере, по их прагматической установке. Был проведён контрольный срез текста в памяти (пересказ в свободной форме) через 20 часов, 8 дней и два месяца (мы не располагали возможностью полностью соблюсти сроки третьей контрольной точки Бартлета).

Первый вывод: наименьшим трансформациям и смысловым потерям в пересказе подверглись тексты первого типа, причём разница между запоминаемостью нарративов и других текстов оказалась весьма значительна (особенно на второй и третьей контрольных точках): информанты испытывали трудности с воспроизведением тематической структуры и последовательности изложения текста «потока сознания»; значительные потери и перестановки претерпел также текст фрагмента российской конституции, хотя его отдельные части были воспроизведены лучше, чем текст «потока сознания» (выделились *доминирующие темы*).

Второй вывод: при пересказе текстов второго типа некоторые информанты порой пытались компенсировать его структурную аморфность

введением придуманной сюжетной линии, хоть как-то упорядочивающей интуитивно «беспорядочный» текст - налицо был эффект *рационализации*, приписывающий определенную последовательность и внутреннюю каузативность. Это соответствует результатам экспериментов ЛСтейн и др.

Третий, вывод: понимание содержания текста и полнота его «информационного следа» выше оказываются при работе с нарративными текстами, имеющими прототипическую структуру, характерную для фольклорных произведений, по всей видимости, в силу их непосредственной релевантности в гносеологическом поле архетипов данной культуры. Это важно для описания становления дискурсивной способности в процессе первичной инкультурации.

По теме диссертации *опубликованы следующие работы:*

1. Красноперова И.А. Волшебная сказка с точки зрения нейролингвистического программирования // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Сб. науч. трудов / Под ред. А.Х.Мерзляковой - Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет» 2002. - С. 92-98.

2. Красноперова И.А. Становление дихотомической теории в лингвистике // Перевод и межкультурная коммуникация / Материалы Четвертой международной научно - практической конференции ИМС / Институт международных связей - Екатеринбург: Изд-во АМБ 2002. - Вып. 3. - С. 54 - 55.

3. Красноперова И.А. Краткий анализ эволюции теоретических моделей памяти в когнитивной психологии и искусственном интеллекте // Психология и общественные науки: проблема интеграции знаний / Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Екатеринбург, 24 - 25 января 2003 года) - Екатеринбург: Изд-во: «Центр проблем детства» 2003. - С. 108 - 110.

4. Красноперова И.А. Волшебная сказка с точки зрения когнитивной психологии // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков - Ижевск: Изд-во: УдГУ 2003. - С. 69 - 75.

5. Красноперова И.А. Эволюция и современное состояние дихотомической теории мотива // Вестник Удмуртского университета. Сер. Филология - Ижевск: Изд-во: УдГУ 2003. - С. 150- 159

Печать ризографическая.
Отпечатано на ризографе ООО «Стройпроект».
г. Ижевск, ул. Коммунаров, 200.
Тираж 100 экз.
Подписано в печать 30.03.2004.